

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА УРАЛА НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

В 60-е гг. XIX в. переход России к индустриально-технологическому типу организации экономики стал исторической необходимостью. Сохранение крепостнических порядков в хозяйственном развитии страны грозило усилить отставание от передовых государств. Россия уже в ходе Крымской войны столкнулась с этим вызовом времени и не могла не принять его. Попытка утвердить положение России в Европе экономического развития. Как одной из ведущих держав могла быть успешной только при условии достижения уровня экономического развития, близкого к европейскому. Продиктованные в первую очередь внешними условиями экономические реформы 60-70-х гг. XIX в. стали своеобразной «революцией сверху». Развитие русской промышленности при условии успешного осуществления реформ могло пойти по общему с Западной Европой руслу. Новые отношения охватывали промышленность, торговлю, транспорт, то есть основные отрасли народного хозяйства.

Для динамичного их развития промышленность нуждалась в емком рынке сбыта и колоссальных капиталовложениях. Но сохранение архаичного сельского хозяйства сделало капиталистическое накопление лишь относительно слабым ручейком, удовлетворяющим незначительную часть потребности страны в капиталах. Медленное движение по пути капитализации сельского хозяйства обрекало страну на черепаший темпы в хозяйственном развитии. Угроза же оказаться на европейских задворках подталкивала правительство к поиску стимулирующих форсированный экономический рост средств.

Отсталое уральское хозяйство находилось в тупике. Перспектива промышленного развития при ограниченности внутреннего рынка и хроническом недостатке оборотного капитала связывалась либо с преимущественно экспортной ориентацией, либо с вариантом раздувания производства средств производства по казенной программе. Но для расширения экспорта нужно было технически модернизировать промышленность и добиться конкурентоспособности ее продукции на мировом рынке. И тот и другой вариант нуждался в подкреплении значительными капиталовложениями. Общие для российской экономики проблемы накопления капитала на Урале, хозяйство которого консервировало отжившие отношения, были особенно острыми.

Однако через несколько десятилетий, вслед за промышленным взрывом на Юге России, оживилась и начала бурно расти уральская промышленность. Причиной «экономического чуда» было включение регионального хозяйства в орбиту мирового рынка, осуществленное в соответствии с политикой привлечения иностранных инвестиций, проводимой министром финансов С. Ю. Витте. «В России не стали ждать, — писал А. Г. Донгаров, — покуда отечественный капитал наберет силу и сумеет повернуть скрипучее колесо телеги российского народного хозяйства. Вместо этого допотопную евразийскую колымагу взяли и

прицепили к разогнавшемуся «локомотиву» европейской промышленности» [1]. Характерная особенность российского промышленного развития заключалась в насаждении капитализма «сверху» при помощи иностранных капиталов. В 60—80-х гг. XIX в. внешние займы направлялись правительством главным образом на развитие транспортной инфраструктуры, позволявшей связать воедино громадные пространства, приступить к освоению минеральных ресурсов Юга страны, Урала, Сибири и других районов.

Длительное время непосредственное инвестирование производства зарубежными банковскими кругами сдерживалось колеблющимся курсом рубля, низким таможенным тарифом. Ужесточение тарифной политики, денежная реформа С. Ю. Витте 1897 г., с одной стороны, обострение конкуренции на мировом финансовом рынке, с другой, способствовали приливу иностранных капиталов в народное хозяйство страны, в значительной мере обусловивших промышленный подъем конца прошлого столетия [2].

За 1893—1900 гг. в стране было учреждено около 200 заграничных акционерных обществ с совокупным оборотом в 911 млн руб., составившим половину общероссийского акционерного капитала [3]. Если движимое имущество иностранцы приобретали в полную собственность, то недвижимость (недра, леса, сельскохозяйственные угодья и т.п.) отводилась им лишь в срочное пользование — впредь до выработки месторождения ископаемых, окончания постройки объектов, либо до истечения указанного в контракте срока. Поначалу деятельность зарубежных акционерных компаний четко не регламентировалась, с 1887 г. она всецело подчиняется российским законам. Для управления делами в России правлениям компаний надлежало открывать агентства, вносить денежный залог, публиковать и предъявлять контрольно-ревизионным органам государства отчеты и т.п. Возникавшие конфликтные ситуации рассматривались национальными судебными учреждениями. При этом западноевропейские финансисты не ограничивались созданием предприятий с иностранным уставом, вкладывали средства и становились совладельцами российских акционерных обществ [4].

Преодолевая жесткую оппозицию со стороны псевдопатриотически настроенных сил, опасавшихся закабаления России иностранным капиталом, правительство пошло на подлинно новаторский эксперимент. Политика расширения притока иностранного капитала, обоснованная в известном докладе министра финансов С. Ю. Витте, сыграла очень важную роль. Он подчеркивал, что России необходимы для ее промышленного развития «капиталы, знания и предпринимчивость», но прежде всего его интересовали капиталы, ибо без них «нет ни знаний, нет и предпринимчивости» [5].

Иностранные займы и инвестиции С. Ю. Витте рассматривал как необходимое условие промышленного развития. «Внешние займы и приток иностранных капиталов,— заявлял он,— своего рода мышьяк, под воздействием которого происходит наше финансовое и экономическое развитие. Печально, конечно, что мы не можем обойтись без такого лекарства. Но это все-таки лекарство из лучших. Это великолепное средство против бедности» [6]. Обширная литература, посвященная утверждению этой политики, позволяет нам не вдаваться в подробности ее разработки [7]. Результаты же ее осуществления впечатляющие.

Правильный и устойчивый рост сельскохозяйственного хозяйства, составлявшего основу российской экономики, зависел от роста обрабатывающей промышленности, обеспечивающей переработку сельхозсырья и потребление хлеба. И наоборот, промышленности был необходим приток капиталов из аграрной сферы и расширение рынков сбыта и сырья.

Иностранные займы позволили создать в стране емкий внутренний рынок и стали толчком для развития промышленности [8]. На первых порах остро нуждавшаяся в капиталах уральская промышленность не привлекала внимания иностранных инвесторов. Это было связано с транспортными проблемами, правовыми отношениями по земельным наделам, лесным площадям, рудным богатствам и другими сторонами обеспечения стабильных отношений [9].

Первые контакты иностранного капитала с уральской промышленностью относятся к 60-м гг. XIX в. Но до начала нового столетия иностранный капитал действовал на Урале осторожно и в целом не очень удачно. По данным Ю. А. Буранова, в этот период в основном собиралась информация об условиях вложения капитала, действия возникших компаний были малоактивными [10]. В основном это были банковские кредиты и участие в акционировании. Юг России, снабженный иностранными капиталами, в этот период бурно развивался, тогда как уральская промышленность, неспособная конкурировать с более эффективным производством Юга, втягивалась в кризис.

Положение меняется с реализацией программы С. Ю. Витте в железнодорожном строительстве с использованием иностранных займов. Железные дороги вовлекли в капиталистический оборот оторванные от него ранее восточные территории страны. Природные богатства Урала под влиянием «железнодорожного бума» не могли не привлечь к себе предпринимательского интереса. Капитализм стремительно развивался вширь. Это развитие означало не только вовлечение восточных районов страны в капиталистическое хозяйство, но и выход Урала и Сибири на мировой рынок, сопровождавшийся быстрым ростом сельскохозяйственного производства и накоплением капиталов за счет внешней торговли.

Иностранный капитал через участие в транспортном строительстве, инвестирования промышленности и экспортных заготовок сырья сыграл решающую роль в обновлении уральской экономики.

В 90-е XIX в. на Урале резко увеличилась активность иностранного промышленного и банковского капитала. По данным Л. Е. Шепелева, в 1900 г. в России действовало 34 иностранные компании с основным капиталом в 94,4 млн руб., на Урале—4 из них с капиталом 24,2 млн руб. [11]. Французские предприниматели основали Урало-Волжское и Волго-Вишерское общества, бельгийские Южно-Уральское. Вклады в эти общества в 1900 г. составили 42 % всего акционерного капитала на Урале [12]. В последующее десятилетие все учреждаемые с участием иностранного капитала в России акционерные общества приходятся на Урал. С созданием транспортных условий в крае резко выросла активность иностранного торгового капитала, создавшего развернутую сеть торгово-посреднических предприятий.

Связи Урала с мировым рынком довольно быстро укреплялись. Кредитование производства сырья, заготовок сельхозпродуктов и практическая органи-

зация их вывоза за границу ускорили процессы накопления. Доходы от экспорта вкладывались отечественными и иностранными предпринимателями в развитие разных отраслей регионального хозяйства. Поэтому можно сказать, что связи с внешним рынком непосредственно стимулировали укрепление технико-экономической базы хозяйства. Мировозьяственные связи Урала в начале века выражались в нескольких формах: 1) непосредственная организация производства иностранными предпринимателями в сфере промышленности, сельского хозяйства, торговли; 2) кредитование иностранными фирмами заготовок сельхозпродукции и продажи в регионе иностранной продукции (инвентаря, сельхозмашин, потребительских товаров); 3) двусторонние торговые экспедиции, осуществлявшие экспортно-импортные операции; 4) реэкспорт на внешних рынках товаров, вовлеченных во внешнеторговый оборот; 5) совместное предпринимательство и акционирование.

Для иностранного капитала Урал и сопредельные территории стали той благодатной страной, где вложение капиталов вознаграждалось громадными доходами.

Содержанием деятельности иностранного торгового капитала на Урале стал экспорт масла, зерна, сельскохозяйственного сырья и сбыт сельскохозяйственных машин и орудий. Наиболее значительная работа проводилась в организации молочно-масляного хозяйства и экспорта масла. На Урале и в прилегающих районах Сибири «Лунд и Петерсон», «Экспортное товарищество Рандруп, Якобсен и Данцер» вложили в маслоэкспорт более 5 млн руб. [13]. Крупными вкладчиками были обосновавшиеся в Кургане компании «Т/Д Паллизен и К^{*}» и основанная на датском капитале «Сибирская компания».

Заготовками различного сельскохозяйственного сырья, пушнины и мясopодуктов и сбытом сельхозмашин на Урале занимались «Международная компания жатвенных машин в России» (объединяющая американские заводы «Дарнинга», «Мак-Кормика», «Осборн», «Мальвоки» и др.), акционерное общество «Р. и Т. Эльвортн», товарищество «М. Гельферих-Саде», товарищество механических заводов, «В. Г. Столь и К^{*}» (имело завод сельхозинвентаря под Челябинском), торговый дом «Рандруп и К^{*}» и др. [14]. Иностранные фирмы вложили в организацию импорта сельхозмашин на Урал, по нашим подсчетам, около 25 млн руб. [15].

Иностранный банковский капитал на Урале преимущественно кредитовал операции, связанные с экспортом сельхозпродукции, железнодорожным строительством и горной промышленностью. Особую активность проявляли Русско-Французский банк, Лионский кредит и Русско-Азиатский банк. Вокруг каждого образовывался совершенно определенный круг патронируемых предприятий. Можно говорить о начальном, достаточно интенсивном этапе складывания финансового капитала в развитии уральской горнозаводской промышленности. Сказалось значительное участие иностранного банковского капитала. При возрастающей интеграционной связи уральской экономики с мировой иначе и быть не могло.

Мощный приток иностранных капиталов, вопреки опасениям противников политики С. Ю. Витте, не только не закабалил русское хозяйство, но позволил встать на ноги отечественным предпринимателям и способствовал мобили-

защиты отечественных капиталов. Динамика инвестиционного движения капиталов на Урале подтверждает это заключение. «В 1900 г., — утверждает Ю. А. Буранов, — французский и бельгийский акционерный капитал составил 17,6 млн руб., а с учетом ранее возникшего Камского общества — 24,2 млн руб., или 42% от общей суммы акционерного капитала. В 1910 г. из 63,03 млн. руб. акционерного капитала иностраный составил 19,9 млн руб., т. е. доля его сократилась до 31,57% несмотря на общий рост акционерных капиталов на Урале. В 1913 г. при увеличении акционерного капитала до 125,2 млн руб., а осенью 1917 г. до 191,5 млн руб., доля иностранного капитала снизилась соответственно до 29 и 19%» [16].

С тех пор, как привлечение иностранных капиталов стало одной из важных сторон экономической политики правительства, в русской историографии не утихали споры о роли иностранных капиталовложений и займов. После Октября 1917 г. в советской историографии эта тема стала предметом острых дискуссий в первую очередь с точки зрения определения влияния иностранных капиталов на общий процесс экономического развития [17]. На наш взгляд, широкие связи с мировым рынком, «открытость» отечественной экономики иностранному капиталу сыграли огромную роль в экономическом подъеме страны на рубеже XIX—XX вв. Нельзя не согласиться с А. Г. Донгаровым, считающим, что всемерное укрепление связей с внешним рынком с помощью иностранного капитала явилось прорывом в новую экономическую эпоху. Очень интересные материалы и наблюдения на этот счет содержатся в брошюре А. В. Дмитриева «Проблемы использования зарубежных инвестиций в экономике Урала» [18]. Материалы этих авторов используются в данной статье.

На первых порах в экономике России, особенно в банковской сфере, преобладал германский капитал. В связи с ухудшением отношений с Германией и переориентацией царского правительства на Францию главное место занял французский капитал, тесно переплетавшийся с бельгийским. В 1896 г. альянс крупнейших французских и отечественных банков организовал «Генеральное общество» (Сосьете Женераль), на которое возлагалась задача освоения недр ведущих горнометаллургических районов страны [19].

Франко-бельгийский капитал прежде всего устремился в Донецко-Криворожский бассейн. Приток его на Урал, лишенный надежных коммуникаций, отдаленный от рынков сбыта, где консервировались привилегии горнозаводской аристократии, был неизмеримо слабее, но и здесь возникло несколько концессионных предприятий. Сразу после ввода в действие УГЖД Франко-Российское акционерное общество (АО) арендовало часть вотчины князя Голицина для развертывания металлургического производства, но просуществовало оно недолго из-за краха контролировавшего его банка. Тогда в 1882 г. Голицин вошел в соучредители Камского АО, центром которого становится Чусовской железодобывающий завод — один из лучших на Урале [20].

В 1896 г. было образовано Уральско-Волжское АО, французский устав которого не помешало включить в правление видных русских предпринимателей. Основной капитал общества достигал 18 млн франков. Администрация предприятия выдвинула план использования донецко-бакинского минерального топ-

лива и уральской руды. Чугуноплавильное производство предполагалось сосредоточить на Южном Урале, а сталеплавильное — на Волге. Связь между ними была призвана обеспечить спроектированная магистраль Царицын—Челябинск. Однако крупные затраты осложнили состояние общества. Во избежание банкротства правление согласилось в 1900 г. на его реорганизацию в более крупное АО Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских заводов[21].

Под патронажем парижско-петербургских банков было и организовано в 1897 г. по русскому уставу Волжско — Вишерское горное и металлургическое общество с капиталом в 25 млн франков. Создавалось оно для разработки компактного рудного месторождения на северо-западе Урала и изготовления металлоизделий на предприятии, воздвигавшемся неподалеку от Казани[22].

При посредстве бельгийских финансовых групп в 1898 г. было учреждено Южно-Уральское металлургическое АО, арендовавшее у князя Белосельского-Белозерского Катав-Ивановский округ. Одновременно франко-бельгийские деловые круги, тесно взаимодействовавшие с российскими партнерами, приняли деятельное участие в акционировании нерентабельных частновладельческих округов, выискивали «ниши» для капиталовложений в перспективной золотоплатиновой промышленности[23].

Источение россыпей, обустройство фондоемких коренных месторождений благородных металлов повлекли за собой разорение мелких торговых домов и «золотарей» — одиночек. Летом 1897 г. заявило о себе учрежденное в Брюсселе франко-бельгийское «Анонимное общество золотых приисков в Кочкаре», к которому перешла долгосрочная аренда площадей обедневшего клана Подвижных в Оренбургской губернии. С течением времени общество преодолело убыточность и заняло приоритетное место в добыче золота[24].

Менее осмотрительные вели себя зарубежные ассоциации, осевшие на Южном Урале вслед за Кочкарским АО. На рубеже XIX-XX вв. в известнейшем золотосном районе возникло более десятка компаний с иностранными уставами. Закрепились в отрасли три-четыре зарубежные компании, остальные же вообще не приступали или быстро свернули добычу. Такая участь, например, постигла несколько бельгийских золотопромышленных фирм, относившихся к типично грюндерским, покупавшим земельные участки, как правило, для перепродажи[25]. Свойственный начальному этапу акционерного учредительства размах спекулятивно-посреднических операций наблюдался не только на Урале, но и повсеместно.

Особый интерес иностранные финансово-промышленные круги питали к уральской платине. В декабре 1898 г. в Париже была образована «Платино-промышленная компания анонимного общества», уставный капитал которой формировался из средств подданных Франции, Бельгии и России. Номинально считаясь транснациональной, компания контролировалась французскими банками, предоставившими ей кредит на приобретение 150 приисков, прежде арендовавшихся у казны разрозненными торговыми домами и единоличными владельцами. Российское правительство предоставило компании режим наибольшего благоприятствования, так как видело в ней противовес английской корпорации «Джон-

сон, Маттей и К^о», монополизировавшей торговлю редким металлом. К тому же французы давали обязательство основать в России аффинажное производство [26].

Притягательной для западных бизнесменов являлась также добыча пространенных на Урале драгоценных камней, носившая из-за нехватки капиталов и отсталой материальной базы кустарный характер. В 1899 г. изумрудное месторождение в Монетной даче получила в аренду на 24 года франко-английская компания, платившая казне ежегодно 10 тыс. руб. [27]. Это было специализированное предприятие, добывавшее изумруды помимо России в Колумбии. Лучшие экземпляры самоцветов фирма сдавала по договору в государственное казначейство, а остальное сырье вывозила для ювелирной обработки в Париж.

Таким образом, опора на иностранные займы и инвестиции была стержнем политики Витте, направленной на опережающее развитие индустрии, чтобы догнать передовые страны Запада. Однако на Урале, не имевшем пока надежной связи с центром, страдавшем от медленного оборота капитала, приток финансовых средств извне в домонополистическую эпоху ощущался еще слабо. Зарубежные, преимущественно, французские банкиры и предприниматели вкладывали деньги избирательно, в потенциально выгодные отрасли и проекты. Вместе с тем для них оставался недоступным государственный сектор уральской промышленности, представленный в основном оборонными заводами, располагавшими месторождениями первоклассных руд черных и цветных металлов. Правительство неизменно отклоняло требования общественности о продаже казенных предприятий в частные руки, опасаясь, что большинством из них завладеют иностранцы [28]. Но даже относительно скромные капиталовложения из-за рубежа приносили бесспорную пользу, способствовали наращиванию масштабов использования природных ресурсов. Кроме того, повышалась фондовооруженность отечественных предприятий, заимствовавших технические новшества.

Противники Витте, защищавшие привилегии помещиков, прогнозировали неминуемое разорение страны в результате привлечения иностранного капитала. Опровергая их доводы, выдающийся русский ученый Д.И. Менделеев писал: «Иностранные капиталисты взошли в последние годы во многие промышленные предприятия России, особенно в горные и металлургические. Такое явление... возмущает очень многих. Но без них... наша крупная промышленность не могла бы быстро возрасти, и если иностранный капиталист получает своих 5—10% интереса, он все же оставляет в стране заработок, в десятки раз превосходящий этот интерес капитала» [29].

Экономический подъем в конце XIX в. сменился упадком производства и затяжной депрессией, обнажившими существенные диспропорции, прогрессирувавшее отставание сельского хозяйства. Кризис рубежа XIX—XX вв., объективно укреплявший позиции монополий, тем не менее породил сомнения в целесообразности дальнейшего форсированного развития индустрии. Правительство вынуждено было обратить внимание на аграрный сектор, стимулировать мелкотоварное производство, заботиться о повышении покупательной способности населения, без чего был невозможен широкий сбыт фабрично-заводских

изделий, то есть благополучие самой промышленности. Этой цели прежде всего служил блок реформ преемника С.Ю.Витте — П.А.Столыпина.

Столыпинские преобразования упрочили позиции капитализма в деревне, дали импульс новому экономическому подъему. Индустриальное производство за 1909—1913 гг. увеличилось в 1,5 раза, удельный вес тяжелой промышленности составил в нем 40%. Интенсивное развитие народного хозяйства происходило под знаком монополизации и акционирования промышленности, кооперирования мелких индивидуальных товаропроизводителей. Поглощая или устрояя слабых конкурентов, монополистические объединения различных типов (Продамет, Продуголь, Медь, Ниточный трест, концерн Коломна — Сормово и др.) сосредоточивали в своих руках управление комплексами предприятий, а подчас отраслями. Мощным ускорителем концентрации и монополизации производства явился финансовый капитал. Столичные коммерческие банки, имевшие, как правило, интернациональные активы, установили контроль над большинством акционерных компаний, синдикатов и трестов.

С началом промышленного подъема возникла необходимость пополнить сбалансированные, но недостаточные отечественные капиталовложения зарубежными. Официальный взгляд на проблему изложил в марте 1909 г. перед депутатами Думы министр торговли и промышленности В.И.Тимирязев, сделавший акцент на безальтернативности европейских займов и инвестиций. Министр призвал законодателей не препятствовать, а содействовать приливу денег извне «на русскую службу», прежде всего для организации дефицитного промышленного кредита. Угроза финансовой зависимости на почве частного инвестирования экономики России исключалась ввиду сравнительно незначительной доли заграничных капиталов, импортировавшихся к тому же соперничавшими между собой группировками [30]. *Игряя на противоречиях западных банковских монополий, российское правительство стягивало внешние капиталовложения преимущественно в малоосвоенные восточные районы страны.* При этом речь не могла идти о «преднамеренном» ограблении национальных богатств, ибо зарубежные и смешанные корпорации действовали в рамках имперского законодательства под присмотром горной и фабрично-заводской инспекции.

В период депрессии частные банки неохотно субсидировали горнометаллургический Урал. Финансовый «прилив» обозначился лишь в разгар предвоенного подъема, вызвавшего настоящий бум в акционировании горнозаводских округов. Надвигавшийся крах заставил некоторых латифундистов обратиться за помощью к европейским банкирам. Черной металлургией, не имевшей надежной топливной базы, иностранные финансовые круты интересовались мало, они предпочитали инвестировать золотоплатиновую и медную промышленность региона. На уральских приисках лидерство перешло от франко-бельгийских предпринимателей к англичанам. В 1909 г. ряд Лондонских банков образовал совместно с Азовско-Донским банком «Российское горнопромышленное общество», а затем «Инвестиционный русский синдикат». Созданный тандем облегчил проникновение международной группировки Гувера-Уркарта в золотое и медное дело края. Большинство франко-бельгийских акционерных обществ

сошло со сцены, либо поддерживало существование участием в реализации дополнительных выпусков акций. Выдержало испытания лишь крупнейшее Кочкарское предприятие, администрация которого укрепила материальное положение обогащением скопившихся отвалов, гарантировала держателям акций стабильную прибыль вводом в эксплуатацию нескольких рудников и хлоридного завода[31].

Первой из английских фирм на Урале обосновалась Орская, предварительно завладевшая промыслами отечественного безуставного товарищества. Вслед за ним на сведенных воедино участках разорившихся золотопромышленников было образовано Троицкое АО. Британские компании уступали по размерам оборота Кочкарскому обществу, поглотившему в 1913 г. старейшее Екатеринбургское товарищество, но вели золотодобычу умело, с прицелом на отдаленную перспективу[32]. Попытки британцев закрепить приоритет в платиновой промышленности путем создания «Англо-русского АО» не увенчались успехом. Сказывалась губительная конкуренция с французской Анонимной компанией, заручившейся долгосрочными контрактами на поставку сырья от владельцев Исовских и Тагильских приисков. Нарушение французами обязательств о постройке на Урале аффинажного завода вынудило правительство поручить внедрение технологии рафинирования самородной платины национальному акционерному обществу Николае-Павдинского округа, отчасти финансировавшемуся через Русско-Английский банк иностранцами[33].

Суммарные затраты на золотоплатиновую и медеплавильную промышленность региона равнялись, по одним данным 23 млн руб., по другим — 28 млн руб.[34]. При любом исчислении более половины из них приходилось на Кыштымский горный округ. Российские предприниматели, акционировавшие округ в 1900 г., оказались из-за нерасчетливой модернизации производственных фондов и трудностей с реализацией черных металлов на грани разорения. Банкротство предотвратила лондонская «Англо-Сибирская корпорация», оплатившая вхождение в предприятие погашением процентов залогодержателю — Ярославско-Костромскому земельному банку. Председателем обновленного правления был избран барон В.Меллер-Закомельский, а директором-распорядителем — глава Кыштымской корпорации шотландец Л.Уркарт[35].

Детально разведавшие недра округа геологи обнаружили промышленные залежи серного колчедана, что указывало на целесообразность преимущественного развития цветной металлургии. Обладая передовой технологией добычи и переработки сырья, новые хозяева впервые в отечественной практике приступили к эксплуатации бедных руд, с содержанием красного металла от 3 до 1,5%. В 1911 г. состоялся пуск Карабашского и Верхне-Кыштымского заводов, оснащенных новейшим оборудованием. Завершался производственный цикл на электролизном заводе — крупнейшем в России, где попутно с рафинированием меди получали в виде концентрированных шламов золото и серебро [36].

Манипулирование синдикатом «Медь» торгово-закупочными ценами ущемляло интересы Кыштымской корпорации, поэтому ее администрация вынашивала замысел сколачивания антисиндикатного блока в лице объединенных под своей эгидой уральских медеплавильных заводов. Такой шаг диктовался и кон-

центрацией едва окупающегося электролитного производства, внедрением тонкой очистки шламов, обходившейся чрезвычайно дорого из-за транспортировки в Великобританию. Перед войной Кыштымская корпорация начала переговоры с администрацией Березовского товарищества, Южно-Уральского и Сысертского АО о получении от них сырья и совместном строительстве аффинажного завода. Сысертцы, тяготевшие к Верх-Исетскому округу, от предложения отказались, другие же контрагенты на него откликнулись[37].

Упомянутое Южно-Уральское АО также явилось объектом инвестирования группировки Гувера — Уркарта, сблизившейся с российскими банками. Весной 1912 г. учреждаются Южно-Уральское общество в Петербурге и Таналякская корпорация в Лондоне, владелица контрольного пакета акций[38]. Уникальность Таналякско — Баймакского месторождения заключалась в рудах с высоким содержанием благородных металлов. Поэтому возводились мощности по их комплексной переработке. Рафинировалась таналякская медь Кыштымской корпорацией, на нее же возлагалась продажа золота и серебра.

В сфере английского бизнеса оказался и Сысертский округ, акционированный в 1912 г. по традиционному варианту «холдинг-компани», с неслучайным выделением головного центра. В России учреждалось АО, в Лондоне — одноименная «Сысертская компания», скупившая львиную долю последнего. Сысертская корпорация, подобно Кыштымской и Южно-Уральской, носила смешанный характер, основывалась на партнерстве англо-американского и отечественного капитала — двух лондонских и Русско-Английского банков[39]. Ориентируясь на доминирование медной плавки, правление общества развернуло целенаправленные геологоразведочные работы. Посредством алмазного бурения были уточнены запасы Гумешевского и Зюзельского месторождений и открыта знаменитая впоследствии «Дегтярка» на стыке с Ревдинским округом. После обследования залежи, простиравшейся на несколько верст, администрация планировала на лето 1914 г. закладку крупного медеплавильного завода[40]. Война воспрепятствовала реализации потенциальных возможностей Сысертской компании, способной после ввода в действие Дегтярского медьобрабатывающего комплекса догнать и превзойти шедших в авангарде кыштымцев.

Несмотря на очевидную выгоду привлечения заграничных инвестиций, плодотворность сотрудничества национальных компаний с западно-европейскими терявшая привилегии горнозаводская аристократия подогревала в печати критику правительства, потворствовавшего якобы «захвату» Урала иностранцами. Нападки правых вызвали ответную реакцию предпринимательских ассоциаций. Буржуазная элита предупреждала власти об отрицательных последствиях «экономического национализма», доказывала, что без участия иностранных предпринимателей Россия не в состоянии освоить колоссальные ресурсы, ликвидировать нетерпимое далее отставание в базовых отраслях[41]. С точкой зрения Совета съездов промышленности и торговли был солидарен премьер-министр В.Н.Кокцов, подтвердивший в Думе неизменность курса на всемерное привлечение зарубежных капиталов, прежде всего в рудные, угольные и нефтеносные районы страны.

Итак, англичане, зачастую блокировавшиеся с американскими бизнесменами, неуклонно расширяли свое присутствие на Урале, французы же достаточно

прочно утвердились лишь в платиновой промышленности, имевшей, правда, мировое значение. Большинство франко-бельгийских компаний, учрежденных в черной металлургии, постигла неудача. Бедствовавшее Уральско-Волжское АО вошло в состав Комаровского, но и у того дела складывались неблагоприятно. В связи с убыточностью доменного производства общество постепенно эволюционировало в лесопромышленное. Кредитная задолженность предопределила переход его в 1916 г. к Сибирскому банку, но затем комаровские акции скупил Азовско-Донской банк, планировавший разработку Комаровско-Зигаинского рудного месторождения и выплавку чугуна на сибирском коксе [42]. Депрессивная полоса не причинила существенного вреда Камскому АО, являвшемуся одновременно контрагентом конкурировавших синдикатов «Продамета» и «Кровали». Специализируясь на выпуске кровельного железа и монтажно-строительного проката, Камское общество получало устойчивую прибыль, обеспечивавшую расширенное воспроизводство [43].

Вытеснение Урала Югом на отдаленные рынки, продиктованное монополистической эпохой ускорение оборачиваемости капитала, необходимость использования дальнепривозного минерального топлива требовали безотлагательного решения транспортной проблемы. Оживление железнодорожного строительства началось с 1908 г., но особого размаха достигло в годы промышленного подъема. Наиболее важное значение из строящихся магистралей имели Западно-Уральская (Лысьва — Бердяш) и Северо-Восточно-Уральская (Тавдинская). Первая открывала возможность челночных перевозок кизеловского угля и бакальской руды. Вторая позволяла увеличить заготовку древесного топлива в прибрежных лесах Тавды и Туры. Кроме того, Тавдинская дорога должна была соединить непрерывным сообщением Волжско — Камский и Обь — Иртышский речные бассейны и тем самым разгрузить однопутную Транссибирскую магистраль. Интересы отечественных и иностранных финансовых монополий, поспешно внедрявшихся в экономику региона, во многом совпадали. Неудивительно, что субсидировалось строительство коммуникаций синдикатом ведущих банков Парижа, Лиона и Петербурга. В частности, 40% акционерного капитала выделяли французские банкиры [44].

Растущий спрос мирового рынка на огнеупорные и теплоизоляционные материалы вызвал лихорадочную разработку Баженовского асбестового месторождения, где на рубеже XIX — XX вв. сформировалось несколько товариществ и акционерных компаний. В 1906 г. рудники обанкротившегося «Уралита» арендовало Русско-Итальянское АО — филиал головного предприятия, находившегося в Италии. Сравнительно небольшой уставный капитал (1,5 млн лир) не гарантировал выживания среди более крупных конкурентов. К объединению с ними побуждало и давление основного экспортера асбеста — Канады. Вот почему Русско-Итальянское общество выступало горячим сторонником асбестопромышленного синдиката, рождению которого на Урале помешала империалистическая война [45].

Средние и мелкие государства Европы, исключая разве что Бельгию, располагали скромными возможностями вывоза капитала в сравнении с колониаль-

ными державами и инвестировали в России «беспроигрышную» переработку сельскохозяйственного сырья. Часть продукции шла на удовлетворение нужд их населения, а то, что славилось на мировом рынке (лен-долгунец, животное, кедровое и пихтовое масло, битая дичь, пушнина) обычно перепродавалось за комиссионные. Если франко-бельгийский и англо-американский капитал оперировал главным образом в акционерной форме, через банковские монополии, то его «младший партнер» из Скандинавии, Нидерландов заводил мелкие неуставные фирмы. Достаточно вспомнить о существовании в городах и промышленных центрах края десятков принадлежавших иностранцам крахмало-паточных, мясоконсервных, кондитерских предприятий, отличавшихся, как правило, высокой культурой производства.

Экономический подъем, сокративший дистанцию между Россией и государствами «первого эшелона», к сожалению, оказался непродолжительным. В конце 1913 — начале 1914 г. наметились симптомы очередного кризиса, а вскоре разразилась кровопролитная война, сорвавшая реконструкцию уральского индустриального комплекса. За годы войны в регионе усилились позиции банковского капитала, завладевшего большинством горнозаводских округов, окреп государственно-монополистический сектор, созрели предпосылки для преобразования картелей и синдикатов в монополии высшего типа. Однако встревоженные инфляцией и взрывоопасной политической обстановкой зарубежные акционерные компании воздерживались от крупных капиталовложений не только в российские, но даже в собственные предприятия. К тому же, вследствие распоряжения министерских кабинетов по предотвращению отлива денег за границу, сами они испытывали затруднения с оборотными средствами и зачастую приостанавливали хозяйственную деятельность, либо самоликвидировались. Именно так, в частности, обстояло дело с золото- и платинопромышленными иностранными компаниями[46].

Иное положение сложилось в металлургии, особенно цветной, где отсутствовали чисто иностранные акционерные общества. Кыштымская и прочие медные компании имели статус международных и в значительной степени финансировались группой петербургских банков. Несмотря на проблемы военного времени эти предприятия не захирели и намеревались основательно модернизировать производство, наладить выпуск сопутствующих ему кислот, взрывчатки и других химических веществ. Оптимистично смотрела в будущее администрация французского Камского АО, проектировавшая в мирных условиях, наряду с Богословским, Верх-Исетским, Алапаевским округами, замену древесноугольной плавки чугуна коксовой.

В дореволюционный период, как видим, иностранный капитал являлся своеобразным катализатором индустриального развития страны, прежде всего ее окраин. Европейские монополистические группировки, заинтересованные в редких и дешевых полезных ископаемых, неуклонно расширяли сферу влияния на Урале. Вместе с тем нельзя согласиться с авторами исследований 20—40-х гг., отождествлявших их деятельность с безудержной, неконтролируемой экспансией. Доля западноевропейских инвестиций в экономике региона составляла примерно четверть совокупных капиталовложений. Максимальной (около половины) она

была в золотоплатиновой промышленности. Выражая волю российского правительства, либо не желая подвергаться излишнему риску, зарубежные бизнесмены предпочитали учреждать выгодные обеим сторонам смешанные акционерные общества. При общеизвестном росте внешнего долга союзникам в годы войны наблюдалась и не столь явная тенденция сокращения оборота иностранных предприятий. Более того, происходило вытеснение их национальными, о чем свидетельствует уменьшение доли заграничного капитала в общей массе акционерного с 29 до 19% [47].

Наметившийся процесс мало отразился на стратегии правящих верхов исходившей из того, что иностранный капитал весомо представленный в активах ведущих отечественных банков принимал деятельное участие в акционировании и монополизации производства, в том числе нерентабельных округов-латифундий, перекраивая их границы с учетом оптимального размещения предприятий. Ввоз капиталов на Урал, конечно, в первую очередь преследовал цель развития горнодобывающей промышленности. Но, за редким исключением, создаваемые иностранцами предприятия обеспечивали в первую очередь российские потребности, а потом мировой рынок. Исключение составляли действия английской фирмы «Джонсон, Маттей и К'»», добывающей платину исключительно на вывоз. В добыче золота и изумрудов французские предприниматели в большей степени ориентировались на русские потребности; более 50 % вырабатываемых на предприятиях Лесли Уркарта меди, свинца, цинка шло на внутренний рынок [48].

Пожалуй, из всех иностранных вкладчиков наибольший интерес к добывающей промышленности и вывозу сырья из региона проявляли англичане, и в этом отношении английские капиталовложения были наиболее «колониальными». Однако нужно иметь в виду, что под воздействием иностранных инвестиций в России была значительно ускорена промышленная революция. В целом правительственная политика в этом вопросе может быть обозначена как подлинно новаторский эксперимент. *Государство осуществляло контроль над действиями иностранных предпринимателей с помощью законодательства и порядков, установленных для относительно свободной рыночной системы в интересах своего экономического развития.* Характер взаимоотношений с внешними рынками зависел от внутренних экономических потребностей и регулировался государством.

До 80-х гг. прошлого века мирохозяйственные связи осуществлялись в основном по каналам внешней торговли. При очень низком таможенном тарифе Россия заполнялась готовой продукцией, что не стимулировало развитие собственной промышленности. Нужда в капиталах для этих целей подтолкнула правительство к созданию условий для «переселения» иностранного производства внутрь страны. Значительное повышение таможенных барьеров сделало более выгодным для иностранных предпринимателей не ввоз готовой продукции, а ее производство в самой России. В новом издании общего таможенного тарифа России (1891 г.) содержалась уже не протекционистская по отношению к отечественной промышленности система, а скорее запретительная для ввоза товаров зарубежного производства. «Эта правительственная система,— писал Витте,—

имела своей задачей создать в России свою собственную обрабатывающую промышленность, которая содействовала бы росту нашей экономической, а следовательно, и политической самостоятельности...» [49].

Правительство строго следило за тем, чтобы иностранные компании действовали по установленным в России порядкам, в значительном числе случаев вводило «необходимые ограничения» [50], настаивало на включение в правления акционерных обществ, основанных на иностранном капитале, русских представителей. Не без помощи этих мер к 1917 г. владельцами большинства уральских предприятий стали русские коммерческие банки. Постоянное государственное вмешательство практически исключило для иностранцев применение методов колониальной эксплуатации России. Но общая отсталость страны, конечно же, влияла на структуру товарообмена. По данным управления уполномоченного НКВТ по Уральской области, общий объем зарубежных вкладов в акционерные общества, торговые и посреднические компании и т. д. составлял примерно 125 млн руб. Иностранный капитал участвовал в финансировании почти 85 % внешнеторгового оборота региона в период, предшествовавший первой мировой войне [51].

В течение первого десятилетия XX в. внешнеэкономические связи Урала с мировым рынком развивались по восходящей линии. Реализация продукции не представляла особых затруднений и сравнительно быстро осуществлялась. Большинство товаров не встречало конкуренции, так как иностранные вкладчики кредитовали производство и заготовки тех видов изделий, которые пользовались повышенным спросом. Большинство уральских экспортеров работали вместе с иностранными партнерами или пользовались их субсидиями.

В предвоенное пятилетие Урал ежегодно давал на мировой рынок продукции на 60,4 млн руб. [52], а с учетом изменившегося после революции административного деления (к Уральской области отошел Тобольский Север и значительная полоса Западной Сибири) сумма стоимости вывоза составляла около 80,3 млн руб. [53]. Довоенный экспорт из Уральского региона составлял 59,8 % продовольствия и сельскохозяйственного сырья; 33,3 % промышленного сырья и готовых изделий; 4,1 % пушнины; 2,8 % лесоматериалов и другой лесопродукции [54].

Ввозимые из-за рубежа товары по стоимости составляли сумму 57,3 млн руб. и состояли на 72% из товаров производственного назначения и на 28 % из потребительских [55]. В больших количествах импортировалось оборудование для горной и металлургической промышленности, маслобойни, сельхозмашины и другой инвентарь. Нужно отметить, что результаты были весомыми. Например, обеспечение машинами одного хозяйства в регионе составляло индекс 2,2, тогда как в европейской России только 1,8. Быстрыми темпами шла техническая реконструкция промышленности, особенно таких отраслей, как цветная металлургия, золотодобывающая промышленность и химия. Отставание от европейской промышленности сокращалось, но до его преодоления было далеко. Это обстоятельство объясняет разделение товарной структуры экспортно-импортных операций для западного и восточного рынков, характерное для уральского хозяйства в предреволюционный период.

Основную часть западного экспорта составляли продовольственные товары, промышленное сырье и полуфабрикаты, кустарные изделия. Вывоз продукции обрабатывающей промышленности был весьма незначительным. Уральские предприятия не могли конкурировать по сбыту готовой продукции не только с европейской промышленностью, но и с промышленностью Юга России. На европейский рынок с Урала поставлялось масло на сумму около 18 млн руб., зерно и хлебпродукты на сумму свыше 15 млн руб., промышленное сырье на сумму 20 млн руб. Пушнина, кустарные изделия, лекарственное сырье и т. д. всего по стоимости составляли сумму 12 млн руб. [56].

Объемы поставок говорят сами за себя. Потребителями уральского экспорта были практически все страны Европы, США, Канада. Некоторые отрасли европейской промышленности базировались исключительно на уральском сырье: переработка пушнины и кожсырья в Германии, деревообрабатывающая промышленность в Англии, переработка пуха, пера и щетины в Австрии, производство эттернита и асбестовых фабрикатов во Франции и Бельгии и т. д. [57]. По существу экспортом с лихвой оплачивался ввоз оборудования и техники, который интенсивно осуществлялся с построением железнодорожных линий и притоком иностранных капиталов в уральскую промышленность. К тому же связи с европейским рынком стимулировали рост сельскохозяйственного производства в регионе, ибо внутренний рынок поглощал довольно ограниченные объемы сельскохозяйственной продукции.

Иная картина складывалась в связях с восточными рынками. Туда шли в основном продукты обрабатывающей промышленности; их потребителями были главным образом Западный Китай, Монголия, Афганистан, Персия. В среднем ежегодно в 1909 — 1914 гг. Восток поглощал русских товаров на сумму около 68 млн руб. [58]. Доля уральской продукции составляла около 25 %. На восток с Урала вывозились металлические изделия, бумажные ткани, мешковина, брезент, меха, деревянные и резиновые изделия, фаянс и фарфор, драгоценные металлы, хлеб. Большая часть их поглощалась Персией (31,6%), в Западном Китае и Монголии реализовалось товаров 21,5%, в Афганистане 7%, в Турции 4,6% [59]. Остальные товары расходились на ярмарках и выставках, организованных для восточных потребителей.

Главными потребителями уральской железнотопливной промышленности до войны были Китай и Монголия, которые ежегодно потребляли поступающих из России железных изделий 192 тыс. пуд., машин и частей к ним 18 тыс. пуд., металлических изделий 1558 тыс. пуд., рельсов 225 тыс. пуд. [60]. В другие страны Востока шли в основном скобяные товары, гвозди, утварь и инвентарь. Всего на восточные рынки в довоенное время вывозилось ежегодно продукции уральской металлургической и металлообрабатывающей промышленности на сумму в 5,5 млн руб. [61]. Большим спросом на Востоке пользовались уральские кустарные изделия: рогожи, невьянские сундуки, тагильские раскрашенные подносы, азиатские чаши, кумганы и т. д.

С Востока в регион ввозилась главным образом продукция кочевого животноводства для реэкспорта на европейские рынки и потребительские товары

в объемах, достаточных для утверждения в восточных странах западной торговой ориентации. Поставленная на экспорт в восточные страны промышленная продукция отвечала специфике рынка. В течение последнего столетия Урал выступал промышленной базой для освоения Сибири, Средней Азии, и поэтому производство в значительной степени ориентировалось на потребности «традиционного» хозяйства. В совокупном (восточном и западном) вывозе из региона на первом месте стояло зерно и хлебопродукты, затем масло, промышленное и сельскохозяйственное сырье. Если развести товарные группы экспорта по сферам производства, то получается такая картина: в довоенное время на товары промышленного производства в вывозе приходилось 23,4%, на сельскохозяйственные товары — 76,6 % [62].

Приток иностранных инвестиций в уральскую промышленность, так благоприятно сказавшийся на ускорении промышленного переворота, имел свои национальные особенности. Капиталы предпринимателей австро-германской группы не имели в крае большого веса и сосредоточивались в основном в торговой сфере. Это объяснялось как романской ориентацией правительства, так и преобладающими интересами германских инвесторов в Прибалтике, на Юге России и на Кавказе. Капитал из Дании размещался в маслоделии и молочном хозяйстве, что соответствовало мировой специализации датской экономики.

В акционировании промышленного производства наибольшую активность проявляли английские и французские инвесторы, заметную роль играли бельгийские предприниматели, а в период первой мировой войны усилился приток американских капиталов. Причем с течением времени менялись приоритеты. Если в конце XIX в. в уральской промышленности преобладали французские и бельгийские капиталы, то к 1914 г. на первый план выдвинулись английские. Английские компании в большинстве случаев не ограничивали свою активность рамками региона, а оперировали на более обширных территориях. Так, нефтедобывающая деятельность английских предпринимателей сосредоточивалась в крупном Урало-Каспийском регионе; медеплавильные корпорации охватывали Урал, Казахстан, Алтай; золотодобывающие компании контролировали месторождения Урала, Западной и Восточной Сибири и т. д.

В предвоенные годы складывались возможности и условия для установления монопольных структур в нескольких отраслях промышленности и зон влияния иностранного капитала. Но все же говорить о возрастающем политическом влиянии иностранных государств на Россию вследствие увеличения иностранных капиталовложений не приходится. Конечно, некоторые предпочтения в политических отношениях были, но они складывались при подавляющем воздействии других факторов. Эту ситуацию хорошо показал американский исследователь иностранного предпринимательства в России Дж. Маккей в своей книге «Пионеры прибылей. Иностранное предпринимательство и русская индустриализация. 1885—1913». Он отмечал: «Доход в России зависел не от способности к грабежу и вымогательствам, а от уровня предпринимательства. Это помогает объяснить причину того, что международные политические факторы всегда носили второстепенный характер для иностранных предпринимателей. Возникновение основных деловых групп предшествовало франко-русскому сближению.

Бельгийские бизнесмены не имели иллюзий относительно возможности использовать дипломатическое давление для того, чтобы влиять на русскую администрацию... Прилив английских капиталов в нефтяную промышленность в конце 90-х гг. совпал с острыми политическими англо-русскими конфликтами...» [63]. Более сложными обставили дела с крупными займами. В их размещении в европейских государствах финансовые отношения тесно переплетались с политическими.

Пришедшее к власти в результате Февральской революции Временное правительство уведомило партнеров по Антанте об использовании дополнительных стимулов для привлечения иностранного капитала. Реалистично оценивая расстановку сил на международной арене, конъюнктуру денежного рынка, оно делало ставку на нового «экономического союзника» — США, не выдвигавшего в отличие от англо-французских деловых кругов политических притязаний, затрагивавших суверенитет России. Не случайно, именно американским корпорациям был обещан режим наибольшего благоприятствования при разработке месторождений полезных ископаемых; в строительстве железных дорог, различных хозяйственных объектов на Урале и в Сибири.

Зарубежные инвестиции, оседавшие преимущественно в добывающих отраслях, после войны предполагалось сконцентрировать в обрабатывающей промышленности, чтобы с помощью финансовых инъекций ликвидировать техническое отставание от союзных держав. Запутывание общественности леворадикальной и право-националистической прессой «порабощением» соотечественников всевластным иностранным капиталом не имело под собой реальных оснований. Напомним, что деятельность последнего регламентировалась российскими законами и при необходимости жестко ограничивалась.

Сознавая опасность растущей задолженности поставщикам вооружения, царское, а тем более коалиционное Временное правительство вовсе не собиралось по дешевке распродавать природные богатства, дискриминировать отечественных предпринимателей в угоду «варягам». Напротив, вырисовывалась преемственность идеи «национального самоутверждения», прогнозировались модели развития народного хозяйства, долженствующие обеспечить укрепление международного авторитета России. Конверсия милитаризованной промышленности, начавшаяся еще до окончания войны, предусматривала в последующем ширококомасштабную индустриализацию, форсирование машиностроения, энергетики, ускоренное строительство железных дорог, холодильников, элеваторов, портов, гражданского флота с целью активизации внешней торговли.

Можно утверждать, что «новаторский эксперимент» по развитию тесных связей с мировым рынком был удачным ответом на вызов времени. Социально-экономические устои империи сохранились на несколько десятилетий. Но первая русская индустриализация неизбежно приближала крах самодержавия. Правда, ее осуществление с опорой на иностранные инвестиции, технологию и производственный опыт избавило страну от жестких проявлений капиталистического накопления, имевших место в Европе. Даже «импортируя» индустриализацию, самодержавие, заинтересованное в консервации российской архаики, с трудом несло тяжесть, налагаемую все обостряющейся борьбой развитых стран за экономическое и политическое влияние. Теряющее кредит общественного доверия

государственное устройство не могло развить производительные силы настолько, чтобы находиться на уровне своих партнеров и соперников. Промышленный бум рубежа XIX—XX вв., обязанный внешнеэкономическому фактору, не ликвидировал отставание от европейской промышленности.

Однако сам вариант «импорта» индустриализации в исторической ретроспективе несет в себе черты поучительного опыта. Тем более, что в недавнем прошлом этим путем прошли новые индустриальные страны—Сингапур, Тайвань, Южная Корея и т. д. И на рубеже XIX—XX столетия широкие связи с внешним рынком перенесли отсталое хозяйство гигантской России на несколько десятилетий вперед, без крайностей в отыскании источников накопления—доля накопления в национальном доходе времен промышленного переворота не превышала 8%. Остальное обеспечивалось притоком иностранного капитала, о котором В. И. Ленин писал: «Вся мощь миллиардных капиталов буржуазии всех стран тянет за собой Россию». В сравнении с индустриализацией Советского Союза за первую индустриализацию России была заплачена приемлемая цена. В ходе первой индустриализации сложилась и укрепилась традиция внешнеэкономических связей Урала, отражавшая основные технико-экономические характеристики регионального хозяйства. В этих связях обнаруживалась «преемственность» исторических эпох и устремленность к технологическому обновлению. На первый взгляд несовместимые элементы внешнеэкономической ориентации Урала в действительности составляли единое целое, задающее характер социально-экономического развития региона. Местоположение Урала между двумя историческими типами хозяйствования, тесные контакты с «традиционной» экономикой Востока и европейской индустриальной цивилизацией стали причиной консервации противоречивых тенденций в промышленном развитии.

Восточные рынки не стимулировали процесс постоянного обновления индустрии, тогда как попытки сравняться с современным европейским производством реализовались на принципах «догоняющего развития». Ориентация на выравнивание уровней развития с западным рынком диктовалась политическими и военными соображениями и контролировалась государством.

Таким образом, на рубеже XIX—XX вв. промышленное развитие Урала в значительной степени опиралось на широкие связи с европейским хозяйством. В отдельные годы иностранные инвестиции в производство и экономическая помощь в организации внешнеторгового обмена составляли более половины всех новых капиталовложений в регионе, а некоторые отрасли хозяйства создавались и развивались едва ли не исключительно усилиями зарубежных партнеров. Долговременный эффект этого сотрудничества измерялся наметившимися тенденциями к бурному росту региональной экономики, существенными изменениями внешнеэкономической и внутрироссийской специализации Урала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 9.
2. Мендельсон Л. Экономические кризисы и циклы XIX века. М., 1949. С. 692;
- Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 68.
3. Лященко П.Н. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т.2. С. 155;
- Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России (конец XIX в. — 1908 г.). Л., 1984. С. 168.
4. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 125—126; Донгаров А.Г. Указ. соч. С. 20.
5. Материалы по истории СССР. Т. IV. М., 1959. С. 181—182.
6. Цит. по: Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897— 1914. Л., 1970. С. 256.
7. Соловьев Ю. Б. Противоречия в правящем лагере России по вопросу об иностранных капиталах в годы первого промышленного подъема // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959. С. 371—388.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.
9. Гранин В. Г. Иностранный капитал в горнозаводской промышленности Урала в начале XX в. в оценке советской исторической науки // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII—начале XX в. Свердловск, 1985. С. 120—121.
10. Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861— 1917 гг.). М., 1982. С. 106.
11. Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 143.
12. Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 107.
13. Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 1934. С. 269— 279.
14. Там же.
15. Там же.
16. Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 108, 168, 244.
17. Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 250— 313; Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 192—223.
18. Донгаров А. Г. Указ. соч. С. 5; Дмитриев А.В. Проблемы использования иностранных инвестиций в хозяйственном развитии страны. Екатеринбург, 1997.
19. Соловьев Ю.Б. Русские банки и французский капитал в конце XIX в. // Французский ежегодник, 1974. С. 145—146; Анпохина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870—1918. М., 1986. С. 282.
20. Устав Камского акционерного общества железо и сталелитейных заводов. СПб., 1884. С. 22; Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1899. С. 68.
21. Сапелкин В. Горное дело в России. СПб., 1903. С. 164,346; Уральское горное обозрение. 1901. № 4. С. 7.
22. Пермская земская неделя, 1908. № 15. С. 24—25; Вольф М.Б. Некоторые историко-географические особенности размещения металлургии Урала // Географический сборник. М.; Л., 1957. С. 60.
23. Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 97.
24. Весновский В.А. Весь Екатеринбург. Справочник-ежегодник. Екатеринбург, 1903. С. 20; Список золотоплавнопромышленных фирм в России. СПб., 1904. С. 185.
25. Уральское горное обозрение. 1903. № 5. С. II; № 9. С. II; Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. СПб., 1905. С. 2020.

26. Вяткин М.П. Платинопромышленная анонимная компания // Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962. С. 143.
27. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов. СПб., 1905. Т.2. С. 1911; Гомилевский Е.В. Об изумрудных коях и добыче изумрудов в Монетной даче на Урале // Горный журнал, 1914. № 2. С. 149—154.
28. РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 1644. Л. 179.
29. Менделеев Д. И. Учение о промышленности // Сочинения. Л.; М. 1950. Т.20. С. 372.
30. Золото и платина, 1909. №8. С. 181; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904—1913 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 193—194.
31. Золото и платина, 1908. №11. С. 239; Тигранов Г.Ф., Ойль П.В. Драгоценные металлы. М., 1925. С. 60.
32. РГИА. Ф. 49. Оп. 1.Д. 58. Л.123; Акционерно-паевые предприятия России. М., 1914. С. 298.
33. ГАСО. Ф. 636. Оп. 1. Д. 17. Л. 2; Устав акционерного общества Николае-Павдинского горного округа. СПб., 1912. С. 6.
34. Оль А.В. Иностранные капиталы в России. Пг., 1922. С. 55—59; Брейтерман А.Д. Медная промышленность в СССР и мировой рынок. Л., 1930. Т.3. С. 35.
35. Официально Кыштымская корпорация считалась английской, хотя солидная доля ее акций принадлежала капиталу США, а в составе директоров пребывали известные американские бизнесмены Г.Гувер и Д.Морган. См.: Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения (1900—1917) М., 1964. С. 114.
36. ГАЧО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1232. Л. 20; Асеев Н.П. Производство меди в Кыштымском горном округе // Горный журнал, 1912. № 1. С. 4—15.
37. РГИА. Ф. 1428. Оп. 1. Д. 66. Л. 4; ГАСО. Ф. 24. Оп. 22. ? 42. Л. 106.
38. Лачаева М.Ю. Английский капитал в меднорудной промышленности на Урале и в Сибири в начале XX в. // Исторические записки, 1982. Т.108. С. 84.
39. Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 195—196.
40. РГИА. Ф. 86. Оп. 1. Д. 12. Л. 3; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3084. Л. 19.
41. Новое время, 1914. 8 января; Промышленность и торговля, 1913. № 3. С. 97; 1914. № 8. С. 424.
42. РГВИА. Ф. 369. Оп. 1 Д.284.Л. 16; Промышленность и торговля, 1916. № 36—37. С. 218.
43. Монополии в металлургической промышленности России. 1900—1917. М., 1963. С. 593; Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг. М.; Л., 1965. С. 351.
44. Соловьева А.М. К вопросу о роли финансового капитала в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны // Исторические записки, 1936. Т.55. С. 198.
45. Фабрично-заводские предприятия Российской Империи. СПб., 1909. С. 874—890; Уральский техник, 1913. № 3. С. 53.
46. РГИА. Ф. 630. Оп. 2.Д.579.Л. 181; Ф. 634. Оп. 1.Д. 221.Л. 22.
47. Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 254.
48. Хозяйство Урала, 1925. № 1. С. 38.
49. Цит по: Царизм и развитие капитализма в России. М., 1984. С. 6.
50. Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 178—188, 189; ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 30. Л. 137; Хозяйство Урала, 1925. № 1. С.37—40.
51. ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 2686. Л. 4.
52. ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 2686. Л. 58.
53. Там же.

54. Азгонов Д. Вопросы уральского экспорта и импорта // *Хозяйство Урала*, 1926. № 13—14. С. 29.
55. ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 266. Л. 4, 58.
56. *Хозяйство Урала*, 1925. № 1. С. 38.
57. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3. Л. 138.
58. *Хозяйство Урала*, 1927. № 2—3. С. 68.
59. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 30. Л. 139.
60. *Хозяйство Урала*, 1927. № 2—3. С. 68.
61. Веллер Р. Уральский экспорт // *Хозяйство Урала*, 1928. № 2. С. 106.
62. Там же.
63. McKay J.P. *Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialisation. 1885-1913.* Chicago-London, 1970. P. 385—386.

FOREIGN ECONOMIC FACTORS OF THE URALS' ECONOMIC MODERNIZATION ON THE VERGE OF THE XIXth—XXth CENTURIES

The article highlights the foreign economic aspects of the Russian modernization which, according to the author, significantly contributed to the industrial boom on the verge of the XIXth—XXth centuries. For the period covered basic forms of the foreign capital involvement in the Urals' economy were determined as follows: 1) the direct organization of production lines; 2) re-exports to the external markets; 3) taking part in share-holding of the enterprises as well as the banking. The author contends that in the course of the first industrialization on the verge of the XIXth—XXth centuries traditions of the Urals' foreign economic ties as having reflected basic technological & economic features of the regional economy had grown up and consolidated.

V.P. Timoshenko